

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН - "ЖУРНАЛИСТ В ЛУЧШЕМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВА" (Анализ публицистической деятельности великого сатирика в контексте эпохи второй половины XIX века)

**M. E. SALTUKOV-SHCHEDRIN -
"JOURNALIST IN THE BEST SENSE
OF THE WORD"**

**(The analysis of the journalistic work
of the great satirist in the context of the era
of the second half of XIX century)**

E. Zheludeva

Annotation

In the article devoted to the great satirist, in the background during the second half of the nineteenth century analyzes his journalistic activities. The estimation of the consummate skill of an outstanding artist of words. Marked "paradox" of the relationship in his works of such phenomena as the magnitude of the pull of the epic and "etude", which became part of the unified ideological and thematic plan and purchased the form of cycles. In the analysis of works of M. E. Saltykov-Shchedrin noted unique today, both in domestic and in world literature, the fusion of contradictory tendencies in the dynamics of his literary process: "slow" and the bulk form of the narrative and the author's immediate journalistic response on a nine days wonder. Considered a cyclic phenomenon when the works of Saltykov-Shchedrin as within the cycle and between cycles, which consists in the unity of the subject, the genre, the personality of the narrator, actors, artistic tone. The author draws our attention to the enduring value of professional journalistic experience Saltykov-Shchedrin for the current generation of journalists. Detailed and thorough analysis of the themes in his works, their connection with everyday life against the background of problems on a global scale, the use of elements of "casus" folklore, "verbal formulas" and "converted" idioms has not lost its relevance today. The style of the journalist N. Shchedrin (pseudonym of the writer) is a Prime example of not just a talented journalistic prose, but a real textbook, useful for the novice and freshman journalism and venerable author.

Keywords: journal-publicistic creativity, plot hypothesis, humor, irony, verbal formulas, style, folk elements

*Желудева Елена Вадимовна
К.ф.н., Московский государственный
гуманитарно-экономический
университет*

Аннотация

В статье, посвящённой творчеству великого сатирика, на фоне эпохи второй половины XIX века проанализирована его публицистическая деятельность. Дана оценка непревзойдённому мастерству выдающегося художника слова. Отмечен "парадокс" взаимосвязи в его произведениях таких явлений как масштабность, тяга к эпосе и "этюдность", ставших частью единого идейно-тематического плана и приобретших форму циклов. В ходе анализа произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина отмечено уникальное на сегодняшний день, как в отечественной, так и в мировой литературе, слияние противоречивых тенденций в динамике его литературного процесса: "медлительная" и объёмная форма повествования и потребность автора в немедленном журналистском отклике "на злобу дня". Рассмотрен феномен циклической связи произведений Салтыкова-Щедрина как внутри самого цикла, так и циклов между собой, заключающийся в единстве тематики, жанра, личности рассказчика, действующих лиц, художественной точности. Автор обращает наше внимание на непреходящую ценность профессионального публицистического опыта Салтыкова-Щедрина для нынешнего поколения журналистов. Подробный и тщательный анализ тем сюжетов в его произведениях, их связи с повседневностью на фоне проблем глобального масштаба, использование элементов "казуса", фольклора, "словесных формул" и "преобразованных" фразеологизмов не потеряли своей актуальности и на сегодняшний день. Стиль журналиста Н. Щедрина (псевдоним писателя) – это яркий пример не просто талантливой публицистической прозы, а настоящее методическое пособие, полезное и для начинающего первокурсника журфака, и для маститого автора.

Ключевые слова:

Журнально-публицистическое творчество, сюжет-гипотеза, юмор, ирония, словесные формулы, стиль, фольклорные элементы.

Хронологические рамки журналистской и литературной деятельности Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина (1826–1889) пришлись на один из самых значительных периодов в истории России: в начале его общество находилось под не изгладившимся ещё впечатлением 14 декабря 1825 года, а конец совпал с кануном возникновения в стране массового рабочего движения.

Широта и глубина творческого размаха этого писателя и по масштабности, и по силе таланта поистине феноменальны. Являясь непревзойдённым художником слова, он занимает особое место в русском классическом реализме, а его публицистическая деятельность представляет собой неисчерпаемый кладёз не только для исследователей истории отечественной журналистики, но и для нынешних и будущих поколений журналистов, поставив-

ших перед собой цель стать подлинными профессионалами своего дела.

Оригинальность и непреходящее значение его литературного наследия определили особое место Салтыкова-Щедрина в плеяде выдающихся мировых классиков. И потому нам особенно важно "разглядеть" особенности его художественного мастерства, обратить внимание на те черты его публицистического творчества, которые могут разгореться "божьей искре" в процессе становления и совершенствования журналиста XXI века.

Высокие требования, предъявляемые Салтыковым к художественной литературе и к личности журналиста и писателя, запечатлены в его собственной литературной деятельности.

Получив домашнее начальное образование, в десятилетнем возрасте Миша Салтыков поступил в третий класс Московского дворянского института, где в свое время учились Жуковский, Грибоедов, Лермонтов. Через два года его за отличные успехи перевели в Царскосельский лицей – "рассадник министров", готовивший дворянских детей для службы на высоких государственных должностях. Атмосфера поэтических настроений в лицее помогла пробудиться литературным талантам юного Салтыкова. После его окончания в 1844 году он становится чиновником военного министерства, посещает кружок М. В. Петрашевского, увлекается идеями утопического социализма Ш. Фурье, так навсегда и оставаясь в душе его приверженцем, несмотря на пересмотр в дальнейшем собственных взглядов.

Его первые литературные опыты сороковых годов – рецензии на книги для детей, что свидетельствует о серьезном отношении писателя к воспитанию подрастающего поколения, – проникнуты духом учения В. Г. Белинского, литературными выступлениями А. И. Герцена, трудами Л. Фейербаха. Молодой Салтыков горячо пропагандирует принципы воспитания гармонически развитой личности, публикует две свои первые повести – "Противоречия" (1847) и "Запутанное дело" (1848), в которых выступает решительным противником социального неравенства. В "Запутанном деле", напечатанном в журнале "Отечественные записки", в свете событий февральской революции во Франции идеологи реакции увидели проповедь "гильотины для всех богатых", и в апреле 1848 года Салтыков был сослан на службу в Вятку, оказавшись внезапно выброшенным из столицы в глухой провинциальный город.

Продолжавшаяся около восьми лет служба стала для писателя "великой школой жизни". Будучи человеком умным и деятельным, он получил место чиновника особых поручений в губернской администрации. Постоянные разъезды по отдаленным и глухим местам Вятской и соседних губерний дали ему возможность всесторонне познать жизнь самых разных социальных слоев населения, что имело большое значение для его литературной деятельности, возобновившейся после ссылки. Возвращение в Петербург в начале 1856 года стало возможным после смерти Николая I, когда самодержавие было вы-

нуждено пойти на смягчение политического режима, заявив о приближающейся отмене крепостного права.

На основе богатых впечатлений от вятской ссылки Салтыков создает свои знаменитые "Губернские очерки" (1856–1857), напечатанные в журнале "Русский вестник" под псевдонимом Н. Щедрин.

Они принесли своему создателю большой успех, сделали его имя известным для всей читающей России. О Щедрине стали говорить как о писателе, воспринявшем реалистические традиции Гоголя и ставшего на путь даже более смелого осуждения социального зла. Прочитав "Губернские очерки", великий поэт Тарас Шевченко писал: "Я благоговею перед Салтыковым. О, Гоголь, наш бессмертный Гоголь! Какою радостью возрадовалась бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих" [13, с. 114].

В "Губернских очерках" публицист без прикрас обличает неограниченный произвол властей, их надругательства над бесправной массой. Паразиты и насильники, клеветники и вымогатели, казнокрады и бездельники, грабящие народ, изображены как неизбежное порождение самодержавно-крепостнического строя.

Одна из основных тем "Губернских очерков" – взяточничество – вопреки устоявшейся либеральной концепции, получает у публициста Салтыкова совсем неожиданное для того времени звучание. Взятничество, по его утверждению, не является порождением злой воли отдельно взятых нравственно испорченных чиновников административного аппарата, нарушающих законность. Критика природы взяточничества у него совсем иная. Она затрагивает основы самодержавного режима, указывая, таким образом, на действительно первоисточник бедствий, терзавших общество.

Так, в одном из "Губернских очерков" ("Приютное семейство") писатель с иронией излагает административно-юридическую программу обличения взяточничества в виде поучений губернатора князя Чебылкина, который соглашается, что "нехорошо взятки брать", и не возражает против обличений, но рекомендует делать это так, "чтоб читателю приятно было; ну, представь взяточника, и изобрази там... да в конце-то, в конце-то приготовь ему возмездие, чтобы знал читатель, как это не хорошо быть взяточником...". "Вот, например, – продолжает князь, – я составил проект комедии, выслушайте и скажите свое мнение. На сцене взяточник, он там обирает, в карманы лезет – можно обрисовать его даже самыми черными красками, чтобы, знаете, впечатление произвести... зритель увлечен; он уже думает, что личность его не безопасна, он ощупывает свои собственные карманы... Но тут-то, в эту самую минуту, и должна проявиться благонамеренность автора... В то самое время, как взяточник снимает с бедняка последний кафтан, из задней декорации вдруг является рука, которая берет взяточника за волосы и поднимает наверх... В этом месте занавес опускается, и зритель выходит из театра успокоенный и не застегивает даже своего пальто..." [5, с. 99].

Салтыков обличает "строгих блюстителей законопо-

рядка", которые якобы радеют за страну и борются со взяточничеством; он глубоко вскрывает первопричины этого порока. В его очерках взяточничество изображается как массовое явление, один из неизбежных спутников социально-политического строя. Оно затягивает в свои сети не только бюрократические низы заурядных чиновников-исполнителей, о чём так "смело и беспощадно" писала тогда официальная пресса, всю выражая своё "гражданское" негодование. Писатель не согласен с доводами о том, что чем выше звание и должность чиновника, тем полнее должны быть в нём представлены добродетели. Журналист Щедрин прежде всего анализирует мотивы поведения человеческих образов, искалеченных жизненными обстоятельствами.

Низшее чиновничество является в "Губернских очерках" в собирательном образе "бедного труженика, крохой жертвы свирепой бюрократии" ("Христос воскрес!"), в образе "из мелких мельчайшего" канцеляриста Техоцкого ("Княжна Анна Львовна"), в образе представителя "крапивного семени" Дернова, который хочет поправить свое бедственное положение выгодной женитьбой ("Выгодная женитьба").

"Никто, кажется, исключая г. Щедрина, не вздумал заглянуть в душу этих чиновников – злодеев и взяточников, да посмотреть на те отношения, в каких проходит их жизнь, – написал в 1861 году в своей статье "Забитые люди" литературный критик Н. А. Добролюбов, высоко оценивший гуманизм Щедрина. – Никто не приступил к рассказу об их подвигах с простою мыслью: "Бедный человек! Зачем же ты крадешь и грабишь? Ведь не родился же ты вором и грабителем, ведь не из особого же племени вышел, в самом деле, это так называемое крапивное семя?" Только у г. Щедрина и находим мы по местам подобные запросы, и зато он до сих пор остается не только выше всех своих сверстников по обличительной литературе, но и вообще выше многих из литераторов наших, увлекавших нашу публику рассказами с претензией на широкое понимание жизни" [2, с. 244].

Интерес к жизни всего общества в целом заставлял выходить Щедрина-публициста за рамки рассказа, повести, романа. Тяготая по масштабам своих проблемных замыслов к эпопее, он создавал отдельные произведения "в качестве этюда к большой картине". И, являясь частью единого идейно-тематического плана, соблюдаемого в ряде произведений, они приобретали форму циклов, вошедших в себя две противоречивых тенденции: "медлительную" и объёмную форму повествования и потребность автора в немедленном журналистском отклике "на злобу дня".

Подобная циклизация объединяла тесно связанные между собой рассказы и очерки, которые одновременно освещали общественную жизнь и незамедлительно в неё вмешивались.

Ежемесячные беседы с читателем на страницах журнала для публициста Салтыкова-Щедрина были органической потребностью. Он не мог только создавать произведения, не выступая в печати, и крайне болезненно пе-

реживал даже небольшие перерывы.

"Журнализм Щедрина, явившись следствием присущего сатирику стремления к немедленному вмешательству в ход общественной борьбы, в свою очередь стимулировал циклические художественные построения. Каждое отдельное выступление в журнале, если оно даже заранее мыслилось как часть целого, должно было иметь характер относительной самостоятельности, иметь некоторую идейно-тематическую завершенность" [1, с. 90].

Определив для себя какую-то проблему, Щедрин разрабатывал её самым всесторонним и исчерпывающим образом, развивал, уточнял, изменял замысел, учитывая ход общественной жизни. Его рассказ становился началом цикла, растягивающегося порою на ряд лет, и в котором можно было проследить все существенные фазы развития того или иного типа или явления.

Феномен связи произведений Салтыкова-Щедрина внутри цикла, а циклов между собой заключается в единстве тематики, жанра, личности рассказчика, действующих лиц, художественной тональности. Порою эти соединения проявляются совокупно, порою некоторые из них могут отсутствовать.

Надо отметить, что М. Е. Салтыков-Щедрин Щедрин в своей литературной деятельности отдавал сознательное предпочтение циклу рассказов перед романом, признавая, что циклизированные рассказы более подходят его идейным замыслам и условиям журнальной работы, чем произведения в жанре монументального романа, не поддающегося свободному членению на самостоятельные части. С подобным утверждением можно согласиться, рассмотрев творческую историю "Господ Головлёвых". Так, каждый из первых четырех рассказов об Иудушке Головлёве, печатавшихся в 1875 году в журнале "Отечественные записки" под рубрикой "Благонамеренные речи", писался без мысли о продолжении. Но многоплановое психологическое содержание темы, а также положительные отзывы авторитетных литературных критиков и ценителей (Некрасова, Тургенева, Анненкова, Гончарова) побуждали Щедрина к дальнейшей разработке картины разрушения головлевского семейства. Поощряемый положительными отзывами и убеждаясь в том, что тип Иудушки требует последующего развития психологических деталей, автор шел от рассказа к рассказу и в итоге решил обособить "головлевские эпизоды" "Благонамеренных речей" в самостоятельное произведение [1, с. 92].

Отдельного разговора заслуживает тема сюжетов в произведениях Щедрина-сатирика. Важнейшая их особенность состоит в том, что "они призваны раскрыть обезчеловеченность изображаемых персонажей в действии, в поступках" [3, с. 195]. Но и здесь главное внимание публицист Щедрин уделяет так называемой жизненной комедии, которую дополняет смехом сатиры.

Будучи непревзойденным выдумщиком сатирических сюжетов, он мгновенно схватывал те комические ситуации, с которыми сталкивался в жизни, умело и целенаправленно заостряя их и подчиняя решению определенных творческих задач. Его фантазия отталкивалась от кон-

кретных фактов действительности и начинала тут же активно работать, создавая новые смешные эпизоды, наглядно раскрывающие внутреннюю комичность и нелепость отображаемых жизненных коллизий.

В начале своей публицистической деятельности Щедрин, как и Гоголь, любил прибегать к анекдоту, казусу и нередко использовал ту или иную анекдотическую ситуацию в качестве основы сюжета: подтверждение тому "Губернские очерки", в первых главах которых особенно много анекдотических случаев и сцен.

Вятская "школа жизни" дала чиновнику Салтыкову огромное количество смешных эпизодов и фактов, характеризующих провинциальное чиновничество и которые Салтыков-сатирик активно использовал в своих произведениях.

Показателен в этом отношении "Первый рассказ подъячего" из "Губернских очерков". "Много было у меня в жизни случаев, доложу я вам, случаев истинно любопытнейших", – повествует рассказчик [5, с. 17]. И далее излагает истории, главным героем которых является уездный лекарь Иван Петрович.

Приехав на вскрытие утопленника или какого-либо иного "мертвого тела", он заставлял понятых держать покойника за нос. Те, разумеется, просили освободить их от этого. И Иван Петрович великодушно освобождал, естественно, "за посильное приношение".

Даже такую вещь, как оспопрививание Иван Петрович превратил в источник дохода. "Приедет, бывало, в расправу и разложит все эти аппараты: токарный станок, пилы разные, подпилки, сверла, наковальни, ножи такие страшнейшие, что хоть быка ими резать; как соберет на другой день баб с ребятами – и пошла вся эта фабрика в действие: ножи точат, станок гремит, ребята режут, бабы стонут, хоть святых вон понеси. А он себе важно этак похаживает, трубочку покуривает, к рюмочке прикладывается да на фельдшеров покрикивает: "Точи, дескать, быстрее"" [5, с. 22]. И платили "глупые бабы" уездному лекарю по целковому, чтобы избавить своих ребят от столь страшного оспопрививания.

Но, в отличие от Гоголя, анекдоты Щедрина носят иной характер: они не только смешны, но и драматичны. И если Гоголь извлекает из смешной истории все её потенциальные возможности для полного выявления характера, то Щедрин излагает сразу несколько таких случаев, как бы нанизывая их на невидимый стержень, название которому – перечень "расейских" бед: взяточничество, вымогательство, произвол представителей власти.

В ранних произведениях писателя, благодаря "казусу" персонажи раскрываются перед читателем лишь стороной, олицетворяющей определенное явление. И здесь сюжет еще не становится средством исследования характеров; он призван "проиллюстрировать" определенную мысль казусными фактами. В дальнейшем же сатирик призывал к тому, чтобы писатели сосредоточивали внимание на таких комических ситуациях, которые помогают обнажению социальных и политических коллизий. Сам Щедрин неизменно использовал анекдоты и курьезы

именно таким образом.

Но сюжеты великого сатирика вырастали не только на основе фактов реальной действительности, не выходя за рамки жизненного правдоподобия. Порою они представляли собою нечто невероятное и фантастическое: сюжеты-предположения, сюжеты-гипотезы, позволявшие представить читателю не только те поступки героев, которые они совершали сегодня, но и те, которые могли совершить завтра.

Смех являлся главным оружием журналиста и сатирика Щедрина в борьбе со злом жизни. "Это оружие, – подчеркивал писатель, – очень сильное, ибо ничто так не обескураживает порока, как сознание, что он угадан и что по поводу его уже раздался смех" [7, с. 509]. Развенчать порочное и злое, сделать его в глазах читателя презренным и несостоятельным – такой была творческая задача сатирика и публициста, и решить её было невозможно без глубокого, органического чувства юмора.

В одном из писем, отвечая на "упреки в фельетонности и водевильности" его сочинений, Салтыков признавался: "Не могу я к таким явлениям относиться с "надлежащей серьезностью", ибо ничего, кроме презрения, к ним чувствовать нельзя, да и не должно. Для меня еще... счастье, что у меня большой запас юмору" [9, с. 246]. В другом письме, написанном в конце жизненного пути, он констатирует: "Юмор... всегда был моею главною силой" [10, с. 373].

Сатирическую же основу стиля Салтыкова-Щедрина составляют остроумие и ирония: в них наиболее отчетливо и ясно проявилась активность его ума, смело анализирующего противоречия жизни. Беспощадная сила насмешки Щедрина нередко достигала своей крайней степени, превращаясь в язвительный сарказм – эмоцию необычайно сильной концентрации. В этих случаях к смеху примешивались горечь, злость и яд.

Гоголь в "Мертвых душах" отмечает, что гости на балу у губернатора ходили на мух, слетевшихся на сахар. Щедрин в "Губернских очерках" сравнивает чиновников с рыбами. Казалось бы, сравнение это лежит в той же плоскости, что и гоголевское. Однако под пером Щедрина оно приобретает более резкую сатирическую направленность. "...Чиновник, – говорит писатель устами одного из персонажей, – понятие генерическое, точно так же, как, например, рыба; ...есть чиновники-осетры, как его сиятельство, и есть чиновники-пискари. Бывает и еще особый вид чиновника – чиновник-щука, который во время жора заглатывает пискарей..." [5, с. 86].

"Великолепный, чисто народный, меткий слог" Щедрина органически связывал его с любым сословием необъятной Российской империи. Великолепно зная устное народное творчество русского народа, писатель сознательно опирался на его традиции. В его рассказах и очерках присутствуют фольклорные герои; его произведения блистают словесными "формулами", известными пословицами и поговорками. Писатель тонко чувствует возможности русского языка, виртуозно владеет приемами работы со словом.

Журналист Н. Щедрин любит лексические "подмены", на первый взгляд кажущиеся неискреннему читателю абсолютно "невинными". Так, в цикле "Убежище Монрепо" он описывает действия своего героя: чтобы окончательно убедить станowego в своей благонадежности, тот "отвел в доме квартиру для полицейского чина, истребил все книги, вместо газет выписал "Московские ведомости" и купил гитару" [12, с. 379]. Надо вроде бы сказать: "из газет выписал "Московские ведомости", но у Щедрина – "вместо газет выписал "Московские ведомости". Всего одно слово подмены и такой сокрушительный сатирический удар по изданию Каткова.

Любит Щедрин комически переосмыслять известные пословицы, поговорки, крылатые слова и фразеологические выражения. Например, характеризуя одного из своих сатирических героев, писатель употребляет такой оборот: "Потехе время и делу час!" [6, с. 417]. При описании другого персонажа перефразирует популярную поговорку: "с голого по нитке – проворному рубашка" [11, с. 156]. Даже знаменитую фразу Цезаря – "Пришел, увидел, победил" – он сатирически видоизменяет. Его герой "налетел, нагрязнул, ушиб"; "ухватил, смял, поволок..."; "пришел, ни слова не сказал, пошевелил глазами, забрал в охапку и ушел..."; "пришел, распорядился и ушел!.." [4, с. 81].

Сочинения Щедрина "искрят" словесными находками: "юные старцы", "безазбучное просвещение", "многословная краткость", "достоверные лжесвидетели", "деловое

бездельничество", "благонамеренный крамольник". Над каждым своим произведением писатель упорно и терпеливо работал, добываясь все большей стилистической выразительности. "Трудно, очень трудно пишется мне, милейший Павел Васильевич, – признавался Салтыков в письме к критику Анненкову, – и хотя многим кажется, что писать в этом жанре сушие пустяки, но, в сущности, это едва ли не самый трудный род литературы. Представьте себе, что тут надо каждое слово рассчитать, чтоб оно не представляло диссонанса, чтоб оно было именно то самое, какое следует" [8, с. 179].

В своих воспоминаниях его коллега по "Отечественным запискам" Г. З. Елисеев написал: "Михаил Евграфович по своему темпераменту и призванию был журналист в лучшем смысле этого слова, и трудно сказать, что в нем преобладало: поэтическая ли способность или строгая логическая мысль" [14, с.393].

Сатира Щедрина насыщена публицистикой, и его рассуждения приобрели философско-исторический характер, поскольку могут быть отнесены не только к "злобе дня", но и к "злобе века". "Журналист в лучшем смысле этого слова", он и через столетия будет поражать человечество своим энциклопедическим размахом кругозора, гражданским бесстрашием и талантом. А его творчество станет настольной книгой, незаменимым учебником для всех поколений журналистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бушмин А. С. Салтыков-Щедрин. Искусство сатиры. – М.: Современник, 1976. 253 с.
2. Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. – Т. 7. М.–Л.: Гослитиздат, 1963.
3. Николаев Д. П. Смех Щедрина: Очерки сатирической поэтики. – М.: Советский писатель, 1988. 400 с.
4. Салтыков-Щедрин М. Е. Господа ташкентцы // Собрание сочинений: в 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Худож. лит., 1970. – Т. 10 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rvb.ru/saltykov-shchedrin/01text/vol_10/01text/0311.htm (дата обращения 04.03.2016).
5. Салтыков-Щедрин М. Е. Губернские очерки // Собрание сочинений: в 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Худож. лит., 1965. – Т. 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rvb.ru/saltykov-shchedrin/01text/vol_02/01text/0035.htm (дата обращения: 13.03.2016).
6. Салтыков-Щедрин М. Е. Дневник провинциала // Собрание сочинений: в 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Худож. лит., 1970. – Т. 10 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rvb.ru/saltykov-shchedrin/01text/vol_10/01text/0321.htm (дата обращения 04.03.2016).
7. Салтыков-Щедрин М. Е. Круглый год // Собрание сочинений: в 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Худож. лит., 1972. – Т. 13 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rvb.ru/saltykov-shchedrin/01text/vol_13/01text/0397.htm (дата обращения 04.01.2016).
8. Салтыков-Щедрин М. Е. Письма (1876–1881) // Собрание сочинений: в 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Худож. лит., 1977. – Т. 19, кн. 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rvb.ru/saltykov-shchedrin/01text/vol_19_1/01text/1281.htm (дата обращения 05.03.2016).
9. Салтыков-Щедрин М.Е. Письма (1881–1884) // Собрание сочинений: в 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Худож. лит., 1977. – Т. 19, кн. 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rvb.ru/saltykov-shchedrin/01text/vol_19_2/01text/1556.htm (дата обращения 05.03.2016).
10. Салтыков-Щедрин М. Е. Письма (1884– 1889) // Собрание сочинений: в 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Худож. лит., 1977. – Т. 20 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rvb.ru/saltykov-shchedrin/01text/vol_20/01text/2018.htm (дата обращения 05.03.2016).
11. Салтыков-Щедрин М. Е. Современная идиллия // Собрание сочинений: в 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Худож. лит., 1973. – Т. 15, кн. 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rvb.ru/saltykov-shchedrin/01text/vol_15_1/01text/0448.htm (дата обращения 01.03.2016).
12. Салтыков-Щедрин М. Е. Убежище Монрепо // Собрание сочинений: в 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Худож. лит., 1972. – Т. 13 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rvb.ru/saltykov-shchedrin/01text/vol_13/01text/0388.htm (дата обращения 04.03.2016).
13. Шевченко Т. Г. Собр. соч. в 5-ти томах. – М.: Худож. лит., 1965. – Т. 5.
14. Шестидесятые годы. Воспоминания М. А. Антоновича, Г. З. Елисеева. – М.–Л., "Academia", 1933. С. 393.